

КРОКУС ДИЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) МОСКВА

ЦЕНА 20 КОП.

ДЕЯТЕЛИ ГОС
И РАБОТНИКИ
ПЕНСИОНАРА
МОСКВА

К 556
10

№ 27

519ый

М. Черемных

ВСНХ включил в ширину сверхударных новостроек третьего, решающего года пятилетки, ПО СЧЕТУ 519-м.—Подольский литейный завод. В октябре завод должен дать первую партию литья.

ПЛАН „С ПОХОДОМ“

ПОДОЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ.—К Октябрю мы подготовили не плохое украшение не только для своего города, но и для всего СССР!..

ГАЛЕРЕЯ ПРИСУТСТВУЮЩИХ

2. СЛИЗНЯКИ

СЛИЗНЯКИ, в отличие от туристов, весьма малоподвижны. Они, как и всякие улитки, замкнуты в свою скорлупу и крепко держатся за облюбованное место. Сковырнуть их удается не всякой мобилизацией.

Место для присасывания слизняк выбирает тихое, малозаметное, малоответственное.

— Была бы питательная слизь и муть, — рассуждает слизняк, — да поменьше шуму и темпов.

— Святые слова изволите говорить, — поддакивает другой, — но и обезлачка с уравниловкой желательны.

— Ну, разумеется! С обезлачкой — тихо и покойно. А то, того и гляди, навалит ответственности.

— Да... Хуже чего быть не может. Наше дело маленькое. Зарплата та же, а хлопот не оберешься.

— Нам спешить некуда. Наше от нас не уйдет...

И сидит слизняк незаметно в сереньком уголке, старается громко не чавкать и гадит больше под себя, не вынося сор из избы.

Иногда водоворот событий поднимает слизняка против его воли на поверхность. Наверху он плавает, как дерьмецо в половодье, прижавшись к какому-нибудь мощному дереву. Куда древесина, — туда и дерьмецо. Отнюдь не самостоятельно.

— Ох, не переработаться бы, — выдыхает в таких случаях слизняк, — не надорваться бы...

И старается поскорее опуститься в обезличенную массу.

— Вперед батяки в петлю не суйся, — поучает слизняк.

— Тихе едешь, дальше будешь.

— Птичка помаленьку клюет и смты бывает.

— И без нас обойдется. День прошел, — и славу богу!

Такова постоянная речь слизняка.

Все же слизняк делает вид, что работает старательно. Пеложенное время как будто отсиживает, на собраниях расписывается, взносы платит.

— Я говорить не мастак, — уверяет он, — я могу только работать...

Но если учесть его работу, то окажется, что всю свою энергию слизняк тратит на самообслуживание. На различное доставанье, на ловченье, на тихие обходы бесчисленных препятствий.

— Ух, устал, — говорит слизняк жене, — два дня потратил, а достал бумажку. Теперь запишут в очередь на дрова для нашей раковины.

— Ты бы похлопотал о прикреплении к закрытому распределителю.

— Похлопочу, милая, похлопочу. Подожди. Нельзя сразу. И так все время убиваю на хлопоты...

Добычливый слизняк даже на работу ходит с сумкой за спиной, а зимой захватывает на веревочке небольшие, но вместительные саночки.

К вечеру он неизменно что-нибудь да волокет к себе в раковину.

— Достал? — всегда спрашивает супруга слизняка вместо приветствия.

— Я да не достану, — кто же достанет?

— Ты у меня доставало замечательный! За что же я тебя и люблю!

Если у туриста идеалом считается заградичная командировка, то у слизняка мечта всей жизни — собственная, нерушимая квартира.

— Понимаешь ли, — глотает оксюри, — такая, чтобы не выселали, не тронули ни при каких переменах.

Больше всего на свете слизняк не любит самопожертвования. Даже самые последние отходы от своего существования не отдаст слизняк на общее дело.

— Самому, может, пригодится! Гривенник за трамвай старается ужулить.

Радует, если на пяточок удастся обесчитать сборщика взносов.

— Все равно псу под хвост!

От каждого нового начинания, от самого простого ремонта — приходит в беспокойство.

— Жили и без этого, авось, и так проживем.

— К чему? Зачем? Все равно ничего не выйдет.

— И так не плохо. Кажется, все при должности. Сиди себе, посиживай.

От мобилизаций слизняк приходит в панику.

— Не могу! Не пойду! Да у меня то, да у меня се, — вертится он, — видите, какой у меня насморк!

Есть даже такие слизняки, которых за всю революцию никто не сумел отдрать от насиженного места.

Многие, очень многие слизняки отсиделись и пережили не одну рационализацию, дезинфекцию и даже хозрасчет.

— Парень тихий, скромный. Поставим ему на вид неактивность. В общем, ни в чем дурном не замечен...

Теперь, когда к слизнякам подходит с новой меркой: «А в чем хорошем вы, дорогой товарищ, замечены?» — слизняк начинает волноваться и по мере сил отбывает в самые глухие углы, где и рассчитывает отсидеться.

— Может, обойдется. Не такое видать...

В нашей галерее слизняки занимают почетное место, как представители самого распространенного вида присутствующих при строительстве социализма.

Б. Самсонов.

УЧИТЕЛЯМ

ЗАКОНЫ роста нам понятны. Мы можем вдалеке глядеть остро. Идем вперед с отцами в ряд мы. И нам ли класть свое перо?

У нас в уме сверкают грани своих, родных и нужных тем, Но мы из них без плана знаний Не сможем выплавить поэм.

И со стихом своим незрелым Сядем грузно мы на мель. На-глаз, без верного прицепа, Нам тяжело ударить в цель.

И вот, желая научиться Как бить и метче и быстрее, Пришли мы к вам, артиллерясты Литературных батарей.

Для нас, псевверты, будет дорог Ваш каждый отданный нам час. Скажите нам, как делать порох Из ядовитой смеси фраз?

Как уточнить прицел источник, Как нужно тему сгустить? Чтоб каждой рифмой изжаренной строчкой Контузить, ранить, разорвать?

Как охватить одним стихом бы Все то, что мы в груди несем, Чтоб стих наш был не стих, а бомба И бил сразмаху напролом.

Как фельетонной канонадой Врага с позиций отшвырнуть И нашим штурмовым бригадам Освободить к победам путь?

По поручению жюри рабочих-сатириков при „Кронополе“

В. Павлов.

Химзавод, Москва.

Я ОПРЕДЕЛЕННО за аполитичное искусство, — говаривал иллюзионист Вольдемар Ульман, он же Володя Ухаренко. — Меня, определенно скажу, политика мало влечет. Я — маг, бывший факир, так сказать, жрец иллюзионизма, марксизму не обучался. Кто — правый, кто — левый — я не разберу даже!.

В станицу Новотитаровскую, на Кубани, жрец иллюзионизма прибыл в горячую пору уборочной. В огромном станичном колхозе «Большевик» дела шли неважно. Ежедневно на работу не выходило по 700 человек. Опортунисты из колхозного руководства с лодырями боролись слабо, массовой работы не звали, сделанный проводили вяло. Если бы Вольдемар Ульман разбирался в политике, он назвал бы руководителей колхоза «Большевик» правыми уклонистами на практике. Но Вольдемар Ульман в политике не разбирался и ничего путного сказать по адресу новотитаровских оппортунистов не мог. Он просто расклеил по станичным заборам увлекательные свои афиши, не подозревая, по простоте душевной, что именно его афиши высекут в сердцах станичных правых оппортунистов искру «левого» загниба.

Афиши иллюзиониста сулили новотитаровскому организованным и неорганизованным зрителю бездну удовольствий.

Вольдемар Ульман обещал показать:

«Кубок Фра-Ди-Аволо. Там и тут везде и нигде».

«Прачечную мадам Сан-Жен. В. Ульман научит хозяйку, как нужно стирать».

«Появление из пушечного дыма драгоценных вещей».

«Преобразование курдюков и яичек в цветы, какое В. Ульман выполняет четко и красиво».

Председатель колхоза Козорезов, прочитав афишу В. Ульмана, сначала улыбнулся, потом задумался, потом хлопнул себя ладонью по лбу и курдюком победил в правление. В одну секунду у него созрел гениальный план борьбы с невыходом на работу.

Вечером в душном зале народа В. Ульман давал свое представление. Публика собралась — не продолжать. Парней шибко интересовал таинственный кубок Фра-Ди-Аволо, что же касается хозяйки, то они с нетерпением ждали показа прачечной мадам Сан-Жен.

— Як же вона стирае, ця мадама, — толковали хозяйки, — не иначе, гадюка соду кладет!

В тот самый момент, когда пистолет Вольдемара дал осечку и «появление драгоценных вещей из пушечного дыма» не состоялось, в зале появились пренеполненные административного восторга станичные власти. Они предложили публике не расходиться, соблюдать спокойствие и, разбившись на бригады, немедленно идти по дворам — поднимать народ на работу в поле.

— Вы, граждане фокусники, — строго сказал усатый милиционер, — собирайте свое барахло и тоже пойдете.

В. Ульман покорно сложил в узел свои аппараты, но вдруг неожиданно для всех и для самого себя с молниеносной быстротой выпрыгнул в открытое окно и скрылся в темноте, преследуемый яростным лаем станичных псов.

К. Елисеев

— Тю, скаженный, — удивленно отдуваясь, вымолвила милиционер, — сиганув, як кийшка.

— Оце хвокус, так хвокус, — сказал кто-то из публики восхищенным басом, — це буде почище Хра дявола.

Затем зрители разбегались на бригады и по приказу левых загибщиков пошли будить народ. Фокусника искали, но не нашли.

Так в номенклатуру фокусов аполитичного жреца иллюзионизма В. Ульмана вошел новый сугубо политический фокус:

«Преобразование правых оппортунистов в левых загибщиков, какое В. Ульман выполняет четко и красиво».

Впрочем, этот фокус не нов и легок. Он обусловлен самой природой оппортунизма.

Леонид Лещ.

Колхозники, организующие хлебные обозы, зачастую не знают, куда их направлять, из-за нераспорядительности и неговорливости руководителей сыпных пунктов.
(Из газет)

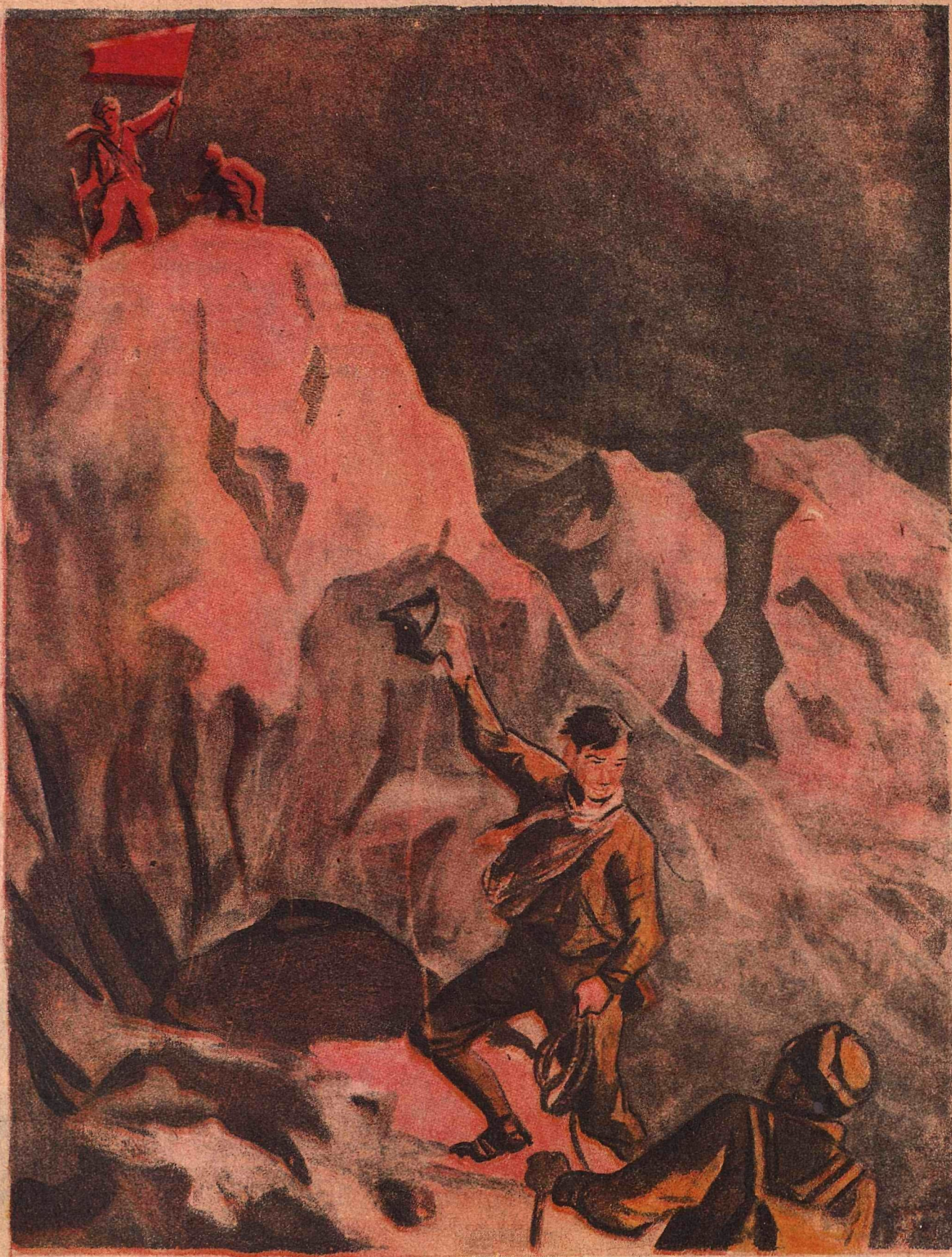
— Позовоти ручку! Угадаю прошлое, настоящее и будущее.

— Это чепуха! Ты угадай лучше, куда мне хлеб везти... 3

Украинская туристская экспедиция взяла пик Хан-Тенгри, который до сих пор не могла одолеть ни одна заграничная туристская организация.

(Из газет)

Л. Генч!

СОВЕТСКИЙ ТУРИСТ:— Ну, разве буржуазии взять такой под'ем? Она теперь привыкла только под гору катиться...

В ДРАМАТУРГИЧЕСКОЙ ЛАВОЧКЕ

К. Ротов

До сих пор еще многие драматурги продолжают „фабриковать“ пьесы с шаблонными героями: ярко положительными и ярко отрицательными, к тому же на ходулях.

— Эй, халтурщики, налетай!.. По случаю чистки — дешевая распродажа! Типаж штампованный, на любую тему! Литеры в полном порядке!..

Я ТЕБЕ говорю: так дальше продолжаться не может! — наступал Галкин на своего сожителя Сизова. — Мне надо заниматься, учиться. Либо ты выбрось эту радиодрянь, либо я тебя самого вышвырну вон...

— Зачем такие крайности, — отвечал флегматичный Сизов. — Судьба послала нам комнату с перегородкой, — ну, и перебирайся в ту половину. Ругаться сможем и через стенку.

Так и сделали. Сизов запер смежную дверь и заставил ее шкафом.

Об одном обстоятельстве только забыли: громкоговоритель помещался в комнате Галкина, а шнур, протянутый через дырку в стене, а также штепсель — в комнате Сизова.

Сизов на рассвете ушел на работу. Галкин же, встав в 6 часов утра, взял книгу и сел знакомиться с материалом.

«Текущая хлебозаготовительная кампания показала, что сельсоветы, как руководящие органы села, значительно окрепли, что ими проделана...»

— Алло! — вмешался вычванный голос. — С добрым утром, товарищи! Начнем нашу утреннюю физкультурную зарядку. Вперед, в стороны, вверх, вниз!

Галкин злобно поглядел на трубу. «...огромная работа по выполнению важнейших государственных задач. Этот успех объясняется, с одной стороны...»

— Руки в боки, товарищи! — гремел бодрый бас. Начинаем. Напр-

ра-вои! Скок, скок, скок! Хрю! Нааааааа! Прыг, прыг, прыг! Ппрравильно! Отдохните!

— А, чтоб ты испортился! — проворчал Галкин. — Надо начинать сначала. Итак — текущая хлебозаготовительная кампания, скок-скок... Перерезать разве шнур? А черт его знает как? Вдруг током хлопнет...

Два-три часа прошло весело и оживленно. За это время Галкин продвинулся вперед строк на десять.

«Однако, — пытался он вчитаться, — приходится отметить, что организация массовой работы...»

— Алло! Алло! Слушайте, слушайте! — забунила женский голос мягким баритоном. 790 килоциклол! Давайте, ребята, повторим вчершнюю песенку. Сделайте из ладошек трубку, вот так, и повторяйте за мной ду-ду, ду-ду, ай-ду-ду-ду-ду! Все поняли? Ну, начинаем...

— Так, значит, многочисленны искривления классовой линии объясняются в данный момент ай-ду-ду, — тыфу! то-есть, как наличием кулацких элементов, так неумением прыг-прыг... Ффу-у... Кажется, кончила дулудать... Значит, несоответствие между объектом работы и квалификацией работников...

— Теперь, ребята, отгадайте загадку:

Не пьян, а шатается,
Без зубов, а кусается,
По полу катается,
Как называется?

«...отсутствием надлежащего руководства со стороны вышних звеньев совнапарата...» Чтоб это могло быть? Без зубов, а кусается. Клоп? Дорогозна? Но почему по полу катается?

— Что, трудно? — заигрывает голос. — А вы подумайте. Внимание! Часа два спустя Галкин решил поставить себе термометр. Воспользовавшись объявленным перерывом, он начал читать сначала:

«...Текущая хлебозаготовительная кампания показала, что сельсоветы...»

— Слушайте слушайте! Москва, ВЦСПС, эрва, килоциклол! Внимание! Сейчас будет прочитан доклад о колхозном движении в Татарской АССР на татарском языке. Внимание!

Галкин насторожился. Сначала татарский язык ему понравился. Потом показался странным. Потом — скучным. Потом — диким. Потом невыносимым. Потом си зарылся в подушки и задремал ногами. Потом потерял сознание.

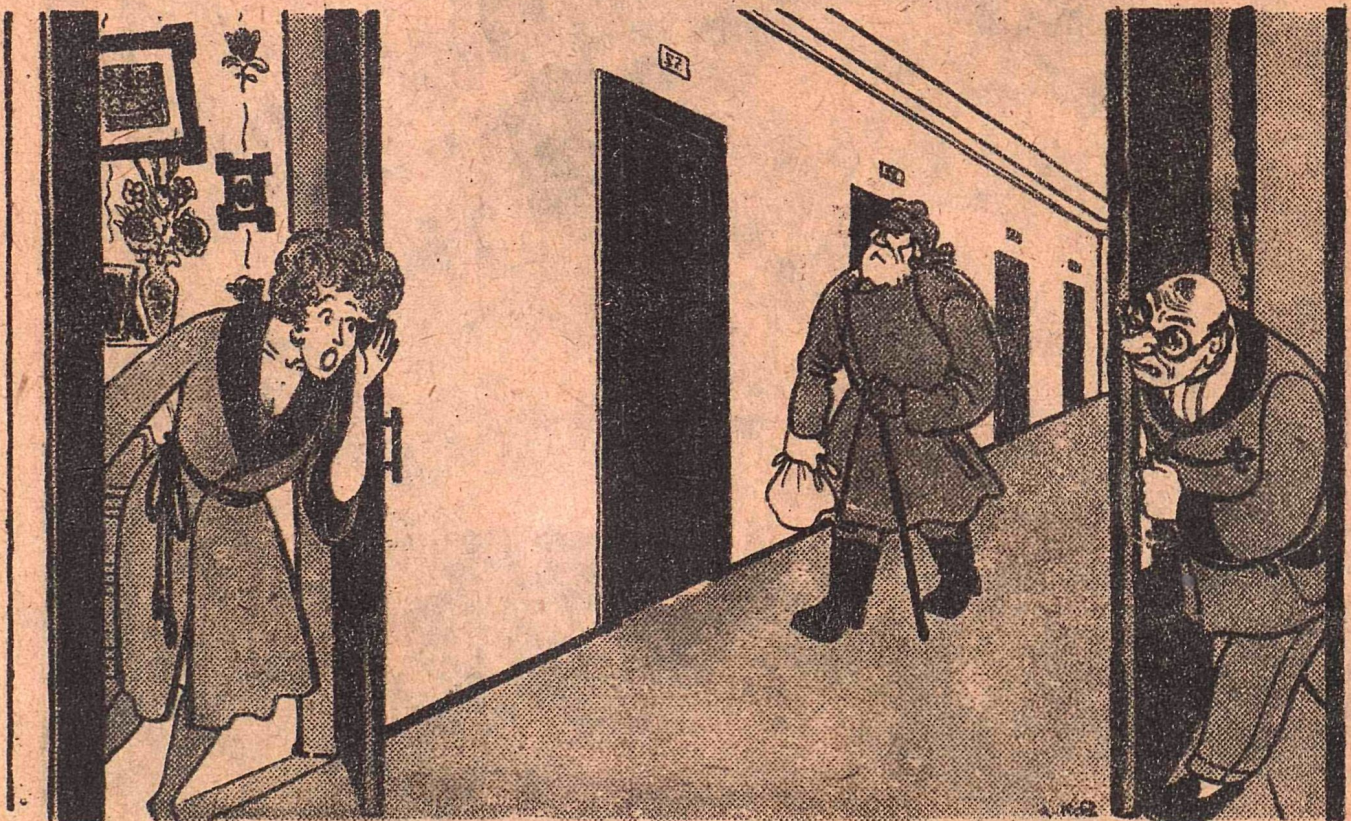
Когда поздно вечером Сизов вернулся домой, он был напуган громким шумом в комнате соседа. Под аккомпанимент радиооркестра, исполнявшего какую-то браваурную увертюру, кто-то бешено носился по комнате и орал диким голосом:

— Ай-ду-ду! Вверх, вниз, вправо, влево! Скок-скок! Прыг-прыг! Ага, сволочь! Без зубов, а кусается? По полу катается! Тысяча килоциклол тебе в харю, эрва твою...

Ольсен.

Д. Мельников

Объединили многих домов крестьянина эрва, мичто общего с крестьянскими ходоками по килоциклол.

В ОБЩЕЖИТИИ ДОМА КРЕСТЬЯНИНА

— Серж! В чем дело?.. Не понимаю, откуда сюда этот мужичок попал?..

Непонятное слово

Фельетон Д. Кунина

Рисунки К. Ротова

НЕГР ДЖОН — сын чистильщика нью-йоркских улиц, работал лифтером в одном из богатейших домов в районе Мангетена. Рабочий день лифтера начинался в три часа утра. В этот ранний час спящему деловому человеку привозили сладкие сливки и холодное молоко фирмы Шеффальд. Джону надо было эти молочные продукты поднять на лифте и расставить у каждой двери, согласно требованию заказчика.

— Какие изменения сегодня? — спрашивал возчик фирмы Шеффальд, когда Джон открывал ему дверь.

— Миссис Бэйт просит сегодня оставить пять бутылок сливок, прочие заказы без изменения!

В пять утра Джона окончательно поднимали с постели: разносчик газет, разносчик из булочной, колбасной, кондитерской, мясной лавки.

В семь утра Джон принимал почтальона. Это была самая ответственная обязанность. Почта прибывала в этот дом важная, ценная, деловая, личная. Почту приходилось самому Джону развозить по квартирам. Опоздание с развозкой почты приносило тяжелые личные оскорбления.

В восемь утра первым на лифте спускался владелец большой фабрики шляп сэр Дейли.

— Моя машина? — едва пошевелив губами, спрашивал собственник миллионов шляп.

— Машина у подъезда, температура шестнадцать, сухо, теплым юго-восточный ветер! — учтиво докладывал Джон сэру Дейли, спускаясь в машину.

До девяти утра Джон всех провожал из дому. Джону надлежало всех приветствовать, докладывать о погоде, справляться о здоровье и мило всем улаживать.

В девять часов тридцать минут усталому от приветствий, докладов и улыбок Джону выносили из квартном № 26/с чашку кофе и сандвич. Так заботилась о Джоне негритянка горничная Эллис.

Однажды Эллис написала Джону письмо. Эллис писала, что здесь в Нью-Йорке цветным людям нет житья, что нужно бежать, бежать к советам, где люди всех цветов и национальностей находят работу и достойное человеческое отношение.

Они бежали. Утром было обнаружено в доме района Мангетена исчезновение Джона и Эллис. Через три часа все нью-йоркские газеты были полны сенсационными известиями о бегстве лифтера и прислуги-негритянки. Газеты крупным шрифтом отмечали, что хотя бегство и совершено ночью, однако, никто из проживающих в доме белых не убит и исчезновения вещей не обнаружено.

Джон и Эллис прибыли в Москву и были определены на работу в одну из текстильных фабрик Центрального района. Они тут себя чувствовали не неграми, а членами огромной семьи трудящихся. По-новому заветелась жизнь Джона и Эллис. Но...

Как-то на одном собрании Джон услышал от всех ораторов много раз повторяемое слово: бю-ро-кра-тизм. Джон записал себе в книжечку, как он это делал всегда с непонятными русскими словами, и решил утром на фабрике расспросить своих соседей по станку. На утро Джон подошел к соседке по станку, комсомолке:

— Товарищ Паша, что есть бюрократизм?

— Бюрократизм, — переспросила Паша, — это... вроде, как тебе объяснить... походи к цехуполномоченному, он тебе живо объяснит, а то беги в нашу комсомольскую ячейку, наш секретарь Шурка все знает, он в вечернем коммуне учится.

В обеденный перерыв Джон пошел к цехуполномоченному.

— Товарищ Клепиков, что есть бюрократизм? Это слово я не понимаю! Цехуполномоченный Клепиков вытер фартуком нос и нежно взял негра об руку.

— Товарищ Джон, разве я оратор?! Я объяснить не умею разные такие слова, ты сходи в фабком, там наш председатель тютелька в тютельку объяснит все, что каждое слово означает. Он и про бюрократизм тебе расскажет, а я, товарищ Джон, не оратор!

На следующий день Джон явился в фабком.

— Здравствуйте, товарищ!

— Здорово, Джон, — приветствовали фабзавкомовцы Джона. — Что хорошего скажешь?

— Объясните мне, что есть бюрократизм!

— Ну что ты, Джон, с такими пустяковыми вопросами идешь в фабком. Для тебя одного мы митинг в фабкоме устраивать не будем. Ты походи в обед в красный уголок, и там этот вопрос совместно обсудим.

Джон обрадовался, — наконец-то он получит полное разъяснение.

Назавтра, в обеденный перерыв, Джон взял Эллис и пошел в красный уголок. Джон подсел к столу, где играли в шашки.

— Товарищи, что есть бюрократизм?

— А... да, ты не сюда попал, товарищ Джон, тебе надо идти в нашу

контору к директору, он тебя ознакомит с этим делом.

Когда директору фабрики доложили, что негр Джон ждет приема, он незамедлительно распорядился просить его сюда.

Джон был усажен в мягкое кресло, и директор вопросительно посмотрел на него.

— Товарищ директор, объясните вы мне, что есть бюрократизм!

Директор змнул портсигар, закурил, предложил Джону и сказал:

— Джон! Это не по моей линии. Это уже область секретаря ячейки, тут вроде агитации и пропаганды, а у меня административно-хозяйственное руководство. Понял ты меня? Ты сходи к секретарю. Ладно?

Джон пошел в ячейку. И все, все рассказал секретарю. Начал с Пашки Моргуновой, перешел к цехуполномоченному Клепикову, затем к председателю фабкома, в красный уголок, к директору.

— Вот, товарищ Джон, — сказал секретарь, — это и есть самый настоящий мажорный бюрократизм!

Д. Кунина.

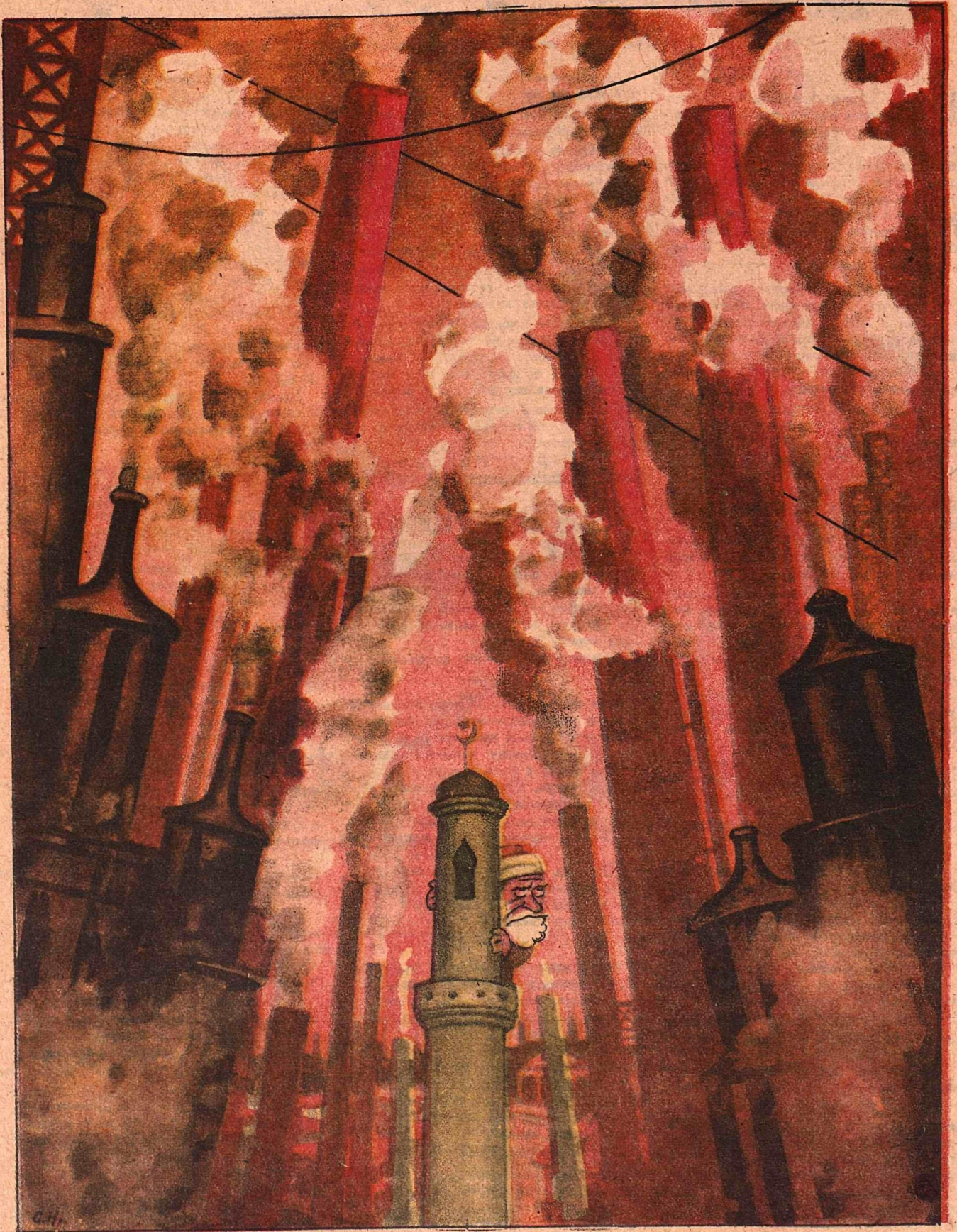
К. Ротов

— Фриц! Сколько раз я вас просила не ездить по этой улице... У моей Мими здесь всегда пропадает аппетит...

(С. Надарейшвили. Тифлисо)

ДЫМ НЕ ПО НОСУ...

МУЛЛА: — Ах, если бы все эти трубы в мечети превратились...

(От нашей специального корреспондента)

I. ПОПУЛЯРНАЯ БУКВА

В ОДЕССЕ, в Аркадии, на берегу, в большом парке, около ресторана, над крутым обрывом сидела на скамьях группа отдыхающих из близлежащих санаториев. Их много, этих домов отдыха и санаториев, и тянутся они, нося названия всех выдающихся товарищей, — по всему Пролетарскому бульвару, бывшему Французскому, до берега моря на курорте им. Семашко, б. «Аркадия»...

— Эх, что тут творилось, бывало! От столбиков, как от снега, бело было, — сказала чей-то надтреснутый старческий голос. — Какая публичка приезжала! От костюмов бело...

— Вообще бело! — резко перебила молодая работница.

— Шницель в ресторане тут — 60 копеек стоил. А дачников было, дачников!..

— Теперь на одесских курортах 5.000 рабочих отдыхают сразу.

— На пляж, бывало, приезжали в автомобилях. По тысяче человек каравал устраивали.

— В Одессе теперь 100.000 пролетариата, видал минда! — победоносно сказала красная косинка.

Старик замолк. Потом отошел, сердито насунив брови. Очевидно, это напоминание ему не особенно понравилось.

Кто-то из местных «старожилов» сказала:

— Не любит. Это же бывший владелец «Аркадии» и есть. Каждый день сюда приходит, критикует, на «свои» владения смотрит.

— Кораблей иностранных ждет? — «Шеститрубное утешение». Да как же он тут дачу получает?

— А по букве «З».

Все поняли и рассмеялись.

★

На пляже я услышала разговор двух женщин:

— Достал он обоим... Кило масла 5 рублей по протекции.

— Да неправда? Так дешево? Невозможно.

— По букве «З».

— А, ежели по букве «З», тогда конечно...

— А я, знаете, ванны без очереди получаю. Тоже по букве «З»...

— Дров, говорят, не будет.

— Обещал мне один человечек. По букве «З»...

Буква «З» сложилась в Одессе везде. Даже в учреждениях, в церемонии, в жилкоопках, в трамвае, в магазинах слышалась, повторялась, трепалась эта загадочная буква «З».

В кладбищенском подотделе я слышала просьбу дать хорошенький гробик по букве «З».

Ванны принимают, лекарства получают «по букве З».

— Позвольте, — спросила я у местного человека, — что это за такая буква «З»? Буква «закона», что ли?

Местный человек расхохотался.

— Наоборот! Буквы «З» не знают? Как же вы тут живете?..

— Буква «З»? Чудеса! Что за буква такая?

— Очень просто: знакомство... По знакомству у нас все получше! А без буквы «З»... трудно, знаете ли...

★

Против буквы «З» в Одессе походило пошла буква «П»: пролетариат.

Налеты, ревизии, проверки рабочих бригад во всех учреждениях стали здесь обычным явлением.

Буква «П» победит букву «З», но в Одессе это еще не так легко, з этом городе бывшего мещанства, ставшем — усладом и волей пролетариата — городом крупных фабрик и заводов!

Город белого мещанства, где высшей похвалой считалось, когда о человеке говорили:

ПРО СЕРОГО КОЗЛА

СКАЗКА про белого бычка

В наши дни не стоит пятачка, — Она свой век отжила.

Сказочники — к технике лицом!

Не сказать ли вам сказочку

Про серого козла

С таким веселеньким концом?

Решил мастер «О»: «Скоро шабашить.

Делать формовку — дело не наше, —

Нам надсажаться чего же ради?

Значит — формовку «сделает дядя»...

Новая смена к работе зала, —

Пущен чугун. Отняли... «козла»!

Кто тут виноват? — Только не я, —

«О» говорит: — И не смена моя!

— Только пришел я! — кричит мастер «У»:

— Нет, на себя я вину не беру!!

Чуть мастера не сцепились со злом... —

Не сказать ли вам сказочку

Про серого «козла»?

Решил мастер «У»: «Скоро шабашить.

Кокс засыпать — дело не наше, —

Нам надсажаться чего же ради?

Значит — подачу «сделает дядя».

Домна неполная еле шла,

Растла в горне большого «козла».

Мастера «У» сменил мастер «Я».

«У» говорит: — Вина не моя!

В бешенстве «Я»... Не распутать узла!

Не сказать ли вам сказочку

Про серого козла?..

Очень, братцы, обидно.

Что конца этой сказке не видно.

Чугунный «козел» —

Не пятачка,

Не упорхнет сам собой.

Злее всех зод

Обезличка, —

С нею вступайте

В бой!

— Он не миллионер, у него, наверное, есть своих 10 тысяч.

Город обнаженной пошлости, плутократии и чортового разгула, город, где фабриковались Перуанские и др. консулы из местных банкиров, — перекроить, переделать в советский, пролетарский город — это было не так легко, не очень-то просто.

Но «Потемкин» и «июльские дни», и «зоны», и Октябрь, и греки, немцы, французы, австрийцы, и итальянские, французские, английские дрейнуоты, и гайдамаки, и петлюровцы, и батьки-атаманы, которые все были отчимами для Одессы, — кое-чему научили этот чудесный солнечный город и ничего не заставили его позабыть!

Буква «З» — это отрывок старой Одессы. Буква «П» — это мощь нового советского города промышленно-сти и курортов.

II. ГРЯЗЬ И МАШИНЫ

— Посмотрите, что вместо быв. кафе Робина и Фанкони! Ужас! Какой-то Нархарч. Стыдно сказать, — говорит харкающее злобой мещанство.

— В бывшей синагоге Одессы создали первую мощную советскую фабрику юда, — отвечает гордо буква «П». — И наш советский юд крепостью выше заграничного. Юд из водорослей Черного моря уже удовлетворяет потребность всего Союза. Это вам не пирожки от Робина!

— Жутко! Где маскирады и карнавалы в Одессе, где веселые прогулки по морю в яхтах для аристократии? — злобно шипит буква «З».

— 75% рабочих Одессы охвачено ударничеством и соцсоревнованием. 10% всех ударных бригад переведено в Одессе на хозрасчет на 61 основном предприятии.

— Не выдали в срок подсолнечного масла, — шепчет буква «З». — Одесса погибает.

— Чепуха, — отвечает буква «П», — мелочь, а зато бывшая торгово-посредническая Одесса стала мощным индустриально-портовым центром с продукцией на 661 млн рублей.

— Когда-то, бывало, устраивались на курортах конкурсы на самую изящную талию и самую большую лысину, а теперь... — жалуется мещанская буква «З»...

Одесса — величайший курорт, всесоюзная здравница для рабочих и крестьян. А там, где висят трубы заводов им. Октябрьской революции, «Красного профинтерна» и др., — по-большевистски обеспечивается и закрепляется индустриализация сельского хозяйства. Это тебе не конкурсы лысых!..

— Скучно, — тянет буква «З».

— Радостно, весело, бодро, молодо, — говорит буква «П» голосом ста с лишним тысяч промышленных рабочих Одессы.

Чугунщик.

Д. Маллори.

ПРОПАВШИЙ КОЛХОЗ

— ТЫ ЖЕ СМОТРИ, не подкачай, не осрами на весь СССР, — наказывали завкомовцы дрожжевого завода тов. Гуснову, командированному в подшефный колхоз «12-й Октябрь», хутора Привольного, Армавирского района.

Налутсуемый предзавкомом по счету в третий раз, товарищ Гуснов, не заходя домой, снешно отпрашивался на вокзал.

На другой день он уже был в Армавирском райколхозсоюзе и сидел перед секретарем, просматривающим список колхозов.

— Колхоз «12-й Октябрь» хутора Привольного? Знаю, как же!.. Крупный такой... Посев колосовых выполнил до срока... «12-й Октябрь»... «12-й Октябрь»... Есть такой колхоз, в 30 километрах отсюда. Придется вам ехать лошадыми через Уруп.

Через три часа товарищ Гуснов уже был в колхозе.

— Здравствуйте, товарищи колхозники!.. — весь сияющий поздоровался товарищ Гуснов с правленцами. — От вашего шефа, от завода я... представитель...

— А-а, пожалуйста, пожалуйста. Долговьякого никого не было от вас, — обрадовавшись, заговорили правленцы.

— Да видите, — ликвидация промыва, промфинплан, темпы, рационализаторский счет... — оправдывался товарищ Гуснов. — Вот вам литература от рабочих...

— Спасибо, спасибо... Ну, что же, давайте устроим собрание колхозников, поговорим насчет социализации, договора...

— Самыш, Микитич, шеф к нам приехал. Срочное собрание... Организуй срочное собрание живым манером.

За час до собрания товарищ Гуснов договаривался с председателем колхоза, как и что они будут говорить на собрании.

— Последнее собрание о социализации, — сказала предколхоза, — мы устраивали с представителями шефа в марте...

— Да, в марте. Так в завкоме мне и говорили, — подтвердил товарищ Гуснов.

— Наш шеф, завод «Красный мыловар», еще тогда...

— Как «Красный мыловар», — перебила его товарищ Гуснов. — мы — дрожжевой завод...

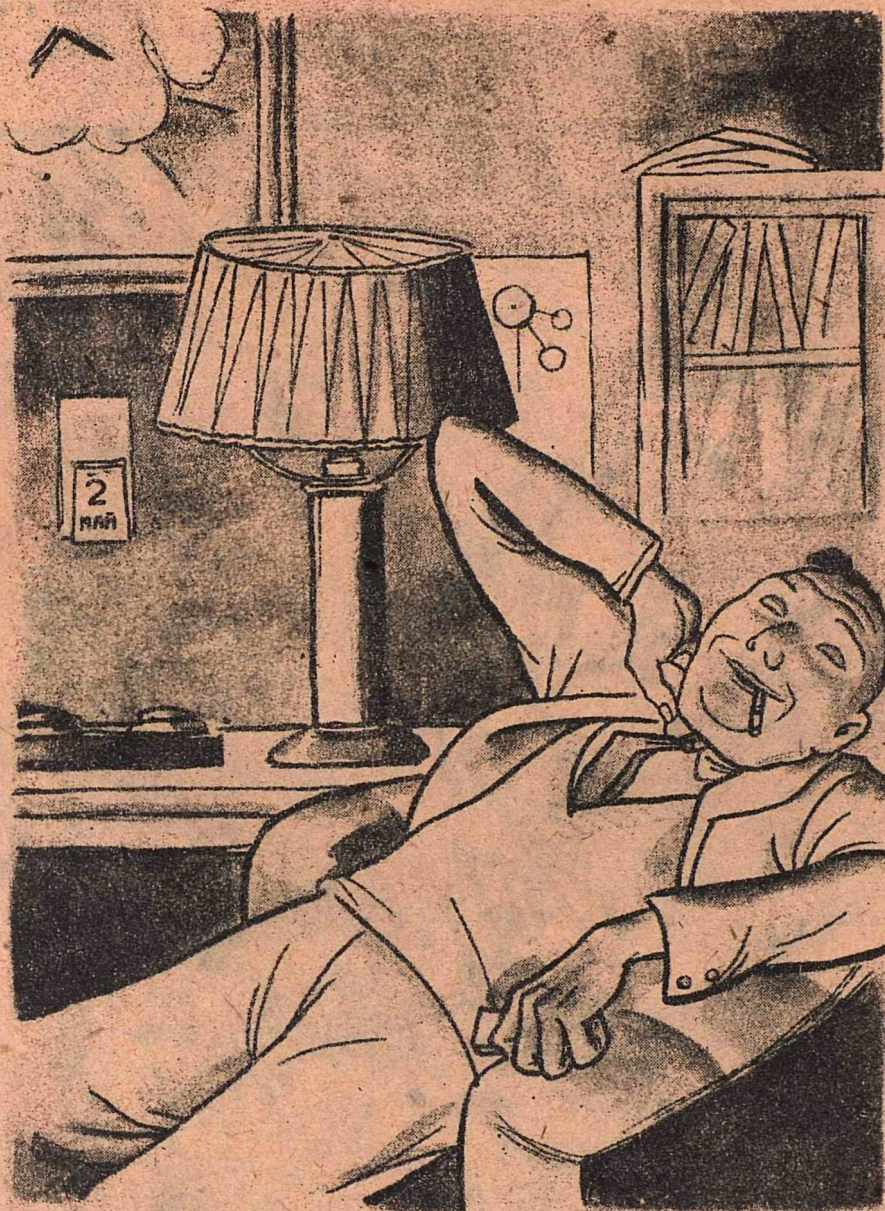
— Вот-те фунт! Значит, вы не туда попали, товарищ. Должно быть, еще есть колхоз «12-й Октябрь».

★

Товарищ Гуснов снова у секретаря Райколхозсоюза.

— «12-й Октябрь»... Гм... Значит, у нас есть второй «12-й Октябрь»... 12-й... 12-й... Знаю, есть... Тоже хороший колхоз, крепкий, колосовые выполнил на 100 процентов... Вот он, вышел... Тоже в 30 километрах от города. Только к нему надо ехать не по Урупской дороге, а в противоположную сторону, через мост и прямо в хутор Привольный...

А. Генич

— Наконец, нашел уединенный кабинет, где можно спокойно отдохнуть...

Через три часа товарищ Гуснов уже был в другом колхозе — тоже «12-й Октябрь» и тоже хутора Привольного.

Наученный горьким опытом, товарищ Гуснов в этом колхозе сразу «взял быка за рога».

— Кто над вами шефствует? — спросил он, переступив порог правления.

— Кто над нами шефствует? — перелянулись между собой правленцы «12-го Октября». А им сами-то кто будет?

— Я, собственно, от дрожжевого...

— Нет, над нами другой завод шефствует, кажется, ДГТФ, только не дрожжевой.

Уехал товарищ Гуснов, не солоно хлебавши, опять в Райколхозсоюз.

Секретарь Райколхозсоюза посоветовал:

— Знаете что, товарищ Гуснов, у нас есть еще хутор Привольный. Там вы наверняка найдете свой подшефный колхоз. Поезжайте.

Поставочка марксистско-ленинской учебы со многих наших учреждений остается желать лучшего. Многие парткабинеты пустыют.

В надежде отыскать во что бы то ни стало свой подшефный поехал товарищ Гуснов в третий хутор Привольный. Но там ему ответил, что у них «колхоза «12-й Октябрь» нет и никогда не было.

— Неудобно, товарищ Гуснов, — продолжал уговаривать секретарь Райколхозсоюза. — Октябрьские торжества и все такое, — и не найти «12-й Октябрь». У нас есть четвертый хутор Привольный. Чем чорт не шутит!.. Там уж наверняка найдете свой подшефный колхоз.

Продал товарищ Гуснов свой пиджак и поехал в новый хутор Привольный. Но и там ему ответил то же самое, что и в третьем хуторе Привольном.

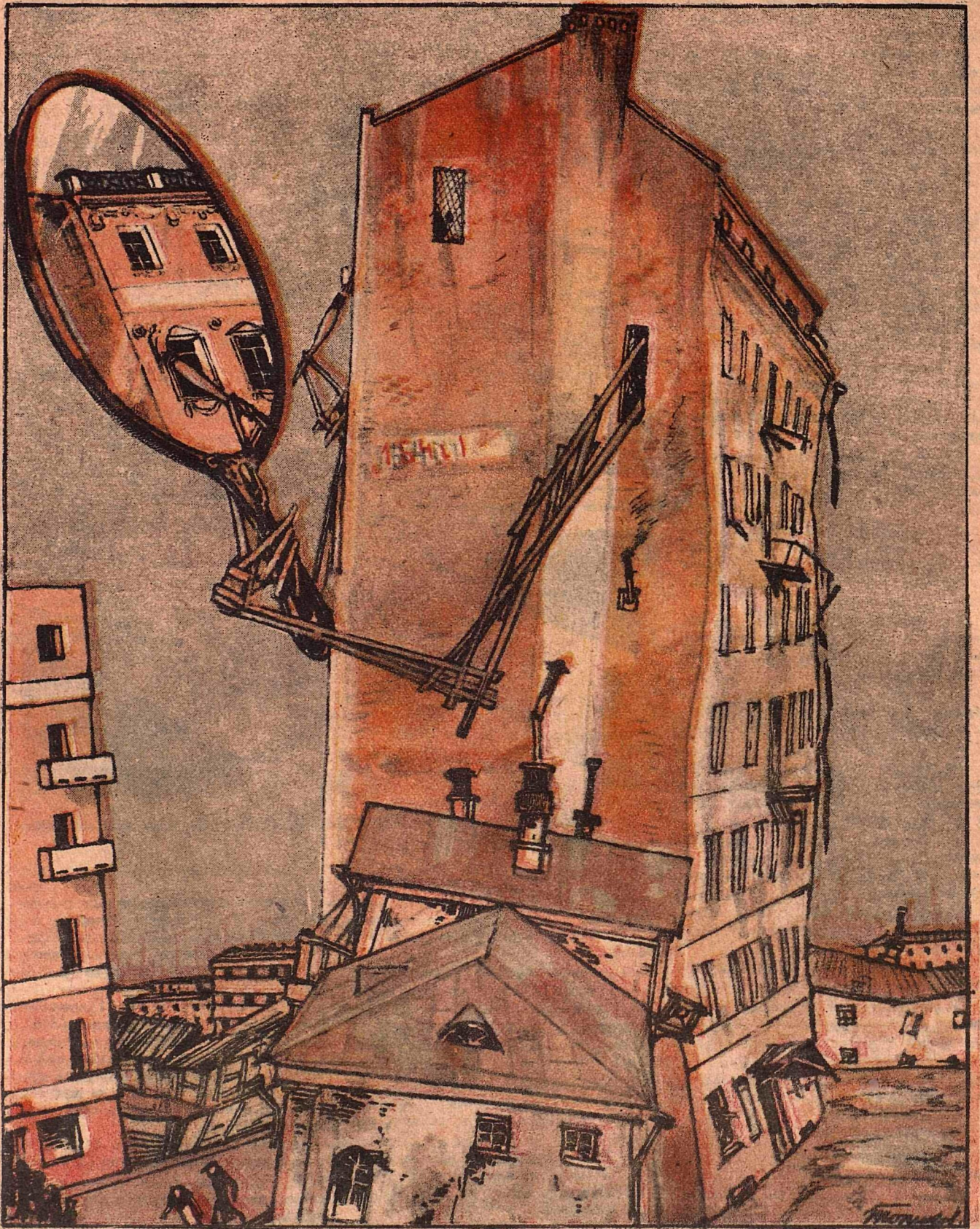
На поиски своего подшефного колхоза дрожжевики израсходовали 80 рублей и пиджак.

Но колхоза не нашли.

Черемиски.

Многие жакты ограничиваются ремонтом фасадов домов, не обращая никакого внимания на внутренний ремонт, и в особенности на состоянии дворов.

А. Тошков

У ЗЕРКАЛА

„ОТРЕМОНТИРОВАННЫЙ“ ДОМ:— Ну-с, ремонт закончен... Теперь, кажется, не стыдно и НА УЛИЦЕ показаться ..

НОЧЬ. ПОЛУМРАК. Человек подтягивает брюки, берет со стола газету, рвет ее, комкает и прячет в карман. Насторожившийся зал отчетливо слышит звуки шуршащей бумаги.

Под тигровой шкурой притаился Ильинский. Он тяжело дышит и делает идиотское лицо — получается удивительно натурально! Это и есть управдом Прут (сатирические замыслы нашего кино дальше управдома пока не двинулись), обывательский хапуга, живущий под лозунгом «что дают», — «злое начало» звукового фильма «Механический предатель»; человек, шуршавший бумагой, управдел с осанкой благородного ударника — «доброе начало».

«Злое начало» с какой-то таинственной, самому режиссеру неведомой целью и не менее таинственным путем проникает в квартиру «доброе начало». «Доброе начало» просыпается и идет в уборную (все звуки этого замечательного классово обусловленного события старательно записаны оператором). По дороге «доброе начало» наступает каблуком на руку спрятавшегося Прута, и минут пять, пока управдел аккуратно рвет бумагу, а Ильинский корчится от боли, публика может упиваться посрамлением мелкой буржуазии.

Кончается вся эта мура, называемая комедией, торжественным заседанием по поводу открытия закрытого распределителя. С тем же основанием фильм можно завершить пленумом Лиги наций или парадом московских физкультурников.

В ханжонковские времена кино имело двух героев: одного — дамского баловня Мозжухина и второго — Глупышкина, потрафлявшего самым дубовым вкусом. Идиотское паясничанье и трюки в стиле ярмарочного «рыжего» должны были всколыхнуть хохотом жирную утробу мещанина. Неизменный фурор! Аплодисменты!

Глупышкин давно умер. Так по крайней мере считали до последнего времени. Каково ж было мое удивление, когда вчера в «Колоссе» я услышал позади себя горячий восторженный шопот:

— Глянь, глянь! — одуловатый гражданин нырял в кресле, как челн. — Глупышкин! Ей-богу, Глупышкин!

Экран гудит. Экран хрипит. Экран клокочет, как вулкан перед извержением, как оркестровая труба, попавшая в руки неопытного музыканта.

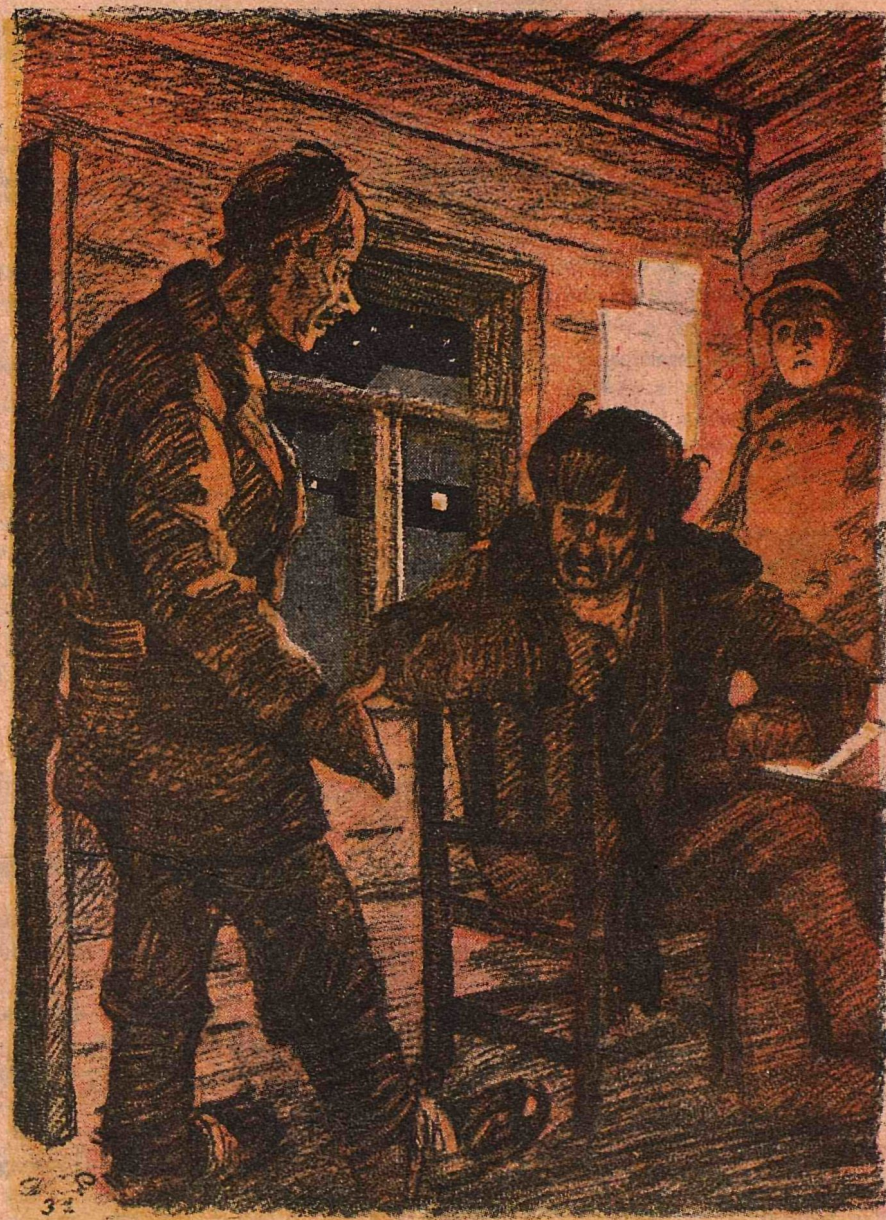
— Какой Глупышкин? — Мой строгий взгляд упирается в пушистую лысину болтуна. — Это артист Игорь Ильинский разоблачает обывателя в советском звуковом фильме «Механический предатель», выпущенном «Межрабпомфильмом».

— Знаем! — ядовито ухмыляется толстяк. — Слыхали! Нас не надуешь. И Театральная площадь уже не Театральная, а Свердлова, и Глупышкин уже не Глупышкин, а какой-то Ильинский. Ловко!

Экран гудит полковым оркестром. Экран лает. Экран мяукает. Экран говорит полузадушенными голосами

К. Елисеев

Многие сельсоветы продолжают еще недооценивать значение работы учителей, не принимая мер к улучшению материально-бытовых условий их жизни.

УЧИТЕЛЬ: — Мне сапоги нужны...
ПРЕДСЕЛЬСОВЕТА: — А на что тебе сапоги?.. Ты ведь головой работаешь...

артистов. На полотне творится обычная глупышкинская кутерьма, только, чорт ее побери, «озвученная».

Ильинский кладет мешок с сахаром на полку, полка проваливается в ванну, наполненную керосином. Ильинский бьет посуду, убегаёт от милиционеров, теряет чемоданы, рассыпает по улице рафинад, попадает под автомобиль, отбивается от собак...

— Бр-р-р-аво, Глупышкин! — рычит одуловатый гражданин и от восторга прыгает в кресле.

— Не Глупышкин, а Ильин... — я безуспешно пытаюсь восстановить честь «Межрабпомфильма».

— Вр-р-р-еш! Глупышкин. Наш Глупышкин! Глупышкин заговорил!..

«Великий немой» заговорил чужим голосом. «Великий немой» заговорил, и мы услышали шуршание бумаги в руках человека, идущего в уборную,

вой пса, брань жактовских салонниц и глухое бормотание Глупышкина.

Если это все, что ты мог сказать, гражданин «Великий немой», — лучше бы ты помолчал. Честное слово, не стоит тратить серое мозговое вещество, напрягать человеческий гений, изобретать звуковые аппараты для того, чтобы молчаливый пошляк Глупышкин обрел дар речи.

— Позвольте, товарищ! — Один из зрителей поднялся с места и укоризненно взглянул на меня. — Вы спусете перед трудностями. Так нельзя.

И, обратившись к публике, он сказал тем тоном, каким говорят на собрании, когда уличают еще одного «бывшего», прячущегося под советской личиной.

— Граждане, предлагаю Глупышкина лишить права голоса!

КОГДА ростовчане узнали, что «Крокодил» прибыл в столицу Северного Кавказа, они вместе с ним ходили по улицам города от вокзала до памятника Маркса, от Комбайнстроя до рени.

Тихий Дон, смотря на улыбающийся город своими зеленовато-серыми водами, покрывался жемчугом маленьких волн.

— Наконец, и ты — наш гость, — не устали повторять ростовчане. Смотри, как мы строим и работаем.

— Выяви бюрократов и волокитчиков. Подними на вилы зараженных местничеством.

— Мы ждем твоей помощи! «Крокодил», вооруженный опытом многих лет борьбы с конкретными носителями зла, немедленно принялся за работу. Опираясь на рабкоровский материал, он пошел на окраины, на заводы, поднимался на леса строек.

Возвращаясь, «Крокодил» обратил внимание на огромный пустырь в центре города, заваленный кирпичом и щебнем.

— Что это, — спросил он стоявших подле автомобиля людей, оказавшихся работниками Коммунарстроя.

— Площадка для красивого дома советов. Здесь будет владение в одиннадцать этажей. — с чувством большой гордости и... чванства заявил коммунарстроенец.

— Позвольте, но возводить одиннадцатитажный дом, когда у вас не хватает рабочих рук и материалов для основных строений...

— Ну, так что ж? В Харькове дом по вительства занимает 15 этажей. А разве мы не столица?

— Но у вас незаконченными десятки строительства.

И «Крокодил», бросив в автомобиль коммунарстроенцев, подав их к

маленькому зданию на углу Ворошиловского и Красноармейской.

— Вот молочная станция. Она должна была уже давно снабжать продуктами рабочее население. Но ее никак не могут закончить.

Усадив коммунарстроенцев в машину, он доставил их на заводской двор «Красного Ахсака».

— Этот завод освободит страну от иностранной зависимости выпуском тракторов и пикперов, но он не может завершить кладку литейной.

— Ахсай — предприятие не нашего ведомства.

— Но это советская стройка!

Подав знак шоферу, «Крокодил» повел своих спутников на площадку Комбайнстроя.

— Видите, Комбайнстрой задыхается от отсутствия леса. А он — одно из 316 предприятий, которые должны вступить в действие в этом году.

— Позвольте, но мы — столица. Скажите, чем мы хуже Харькова?

— Поймите, что сейчас наступает решающий строительный сезон. У вас нехватка материала.

— Мы как-нибудь уложимся.

— Вы-то уложите, а вот другие? Не лучше ли отложить на год постройку дома советов? Сейчас дорог каждый кирпич, каждая бочка цемента.

— Позвольте, но мы — столица. В Харькове дом правительства есть...

— Но Харьков возвел свои пятнадцать этажей, когда не ощущалось такого дефицита в стройматериалах.

Но коммунарстроенец не унимался. Они продолжали твердить:

— Но мы — столица. Скажите, чем мы хуже Харькова... чем мы хуже Харькова!

М. Незнамов.

ПОЛ в общежитии — целая карта: Горные края, зачатки озер, Карту подробно читают мне в два рта Лютиков Минька и Скрипкин Егор.

— Холостяки мы. Живем не в браке...

— Есть! Некрасиво выходит слезка... Горные выси?.. На этой декаде Яблоку нам выдавал Зе-Эр-Ка.

— Озеро вот — появилось с суббота:

Пролил мяску каких-то помой!

— Эти потоки? Вернувшись с работы,

В кровь разодралась Андришка с Кузьмой.

— То плоскогорье?.. — В прошедшую пьянку

Тут раздавил с едобную смесь!..

— Реки с морями? — Вскочив спозаранку.

Мы по утрам умываемся здесь!

Пол в общежитии целая карта:

— Сами не моем! Людей не найдешь.

Мыли работницы к празднику марта

К дням революции вимокот тож!

М. Андриешская.

ВХОД ВОСПРЕЩЕН

(Сценка)

На новостройках большинство рабочих не овладело профессией.

(Из газет)

— В профсоюзе состоишь?.. — спросил я рабочего.

— Нет. Куда уж нам!.. — махнул он рукой. — Стаж мал.

— Недавно на производстве?

— Два годика.

— Пора бы вступить.

— Вступил бы, да не принимают.

— Кто?

— Местком, известно.

— Да почему же?

— Говорят, годиков пять еще поработать надо.

— Не много ли будет?

— Спросите у предместкома. Вон сидит за столом.

Предместкома, не поднимая головы, спросил:

— О содсеретповозании?..

— Нет, о другом. Сколько у вас рабочих?..

— А-а! Извольте! тысячка с хвостиком.

— А в профсоюзе сколько состоит?..

— Да человек двадцать пять.

— Мало.

— Да секретарь двадцать шестой..

— И это мало.

— А где взять их больше? Новостройка..

— Вовлечь надо.

— Кого? Какие это рабочие: человек триста работают больше двух лет, а остальные совсем новички: год, полтора.

— Стаж достаточный. Пора бы их и принять. Как вы думаете?..

— Ничего я не думаю. Принять! Легко сказать: принять. А как их принять, раз я сам, предместком, — не член профсоюза. Сам жду, когда меня примут, а работаю-то пятый год.

Павел Бурма.

ДНЕВНИК „КРОКОДИЛА“

● В декаду проверки названий избирателей в Серпухове бригадой «Крокодил» в газете «Набат» выпущена страничка «Крокодил» в Серпухове.

● «Крокодил» взял шефство над бумажной фабрикой «Сокол». Для проведения шефской работы выезжает редакционная бригада, которая продолжит работу, уже проведенную нашими предшественниками выездными редакциями.

● Бригада «Крокодила» выехала в Добруш (Белоруссия) на фабрику «Герой труда» для участия в ликвидации прорыва.

● На завод «Электросталь» для проведения массовой работы выехала бригада «Крокодила».

ХОЗРАСЧЕТНАЯ ВОДИЧКА

ХОЗРАСЧЕТ так хозрасчет! — твердо сказал НКПС.

— Договор так договор! — твердо подтвердило правление Юго-восточной ж. д.

И предложили Отрожскому вагоноремонтному заводу платить за воду 30 коп. за кубометр.

Отроженский завод возмоллся.

— Помилуйте, — по тридцать копеек! Да ведь это же простая вода! Да ведь этак выгоднее молоком рабочих поить, чем вашей водой!..

— Ничего не знаем. Водопровод наш? Наш. Хозрасчет есть? Есть. Извольте подписать договор, иначе закроем водопровод.

— Ну, хоть покажите вашу калькуляцию. Ни Тит же Титыч вы, в самом деле! Мы же с вами на одном транспорте работаем.

— Калькуляцию? Извольте. Хотя, конечно, на станции Отрожка вода нам обходится копейки 2—3 за кубометр, но поскольку у нас на дороге много станций, где водопроводов нет, воду на них мы подвозим в бочках, то и берем среднюю себестоимость воды по всей Юго-восточной железной дороге. С законной прибылью, конечно — хозрасчет, сами понимаете, ну, и выйдет с вас по тридцать копеечек. Поняли?

Отроженцу поняли. Но они также сообразили, что электростанция на ст. Отрожка принадлежит заводу! «Ага! Вы 30 коп. за воду? А не хотите ли платить по гривеннику за киловатт-час нашей энергии?»

Переговоры о воде и свете между двумя НКПСовскими организациями на ст. Отрожка продолжаются. Кто победит? И не случится ли так, что в один прекрасный момент Отрожский ж.-д. узел останется без воды и погрузится во мрак.

Ничего не поделаешь: ведь хозрасчет.

Ив. Зацепин.

А. Г.

В КООПРЕМОНТЕ

— Что это сапожники так усердно работают?.. Прямо даже странно...

А сегодня они выходные... Свою работу чинят...

В КАКУЮ СТОРОНУ

Марнупольский коксовый завод № 22 явно тянется к черной доске. Тысячи тонн бракованного кокса свалены на неохранные склады, и его крадут все, кому не лень. Себестоимость возросла на 50%. Аварии печей участились, несколько печей покосилось в сторону.

А в какую сторону покосилась дирекция? Не в правую ли?

ЗАГНУЛ...

Очень своеобразно понял некоторые люди постановление ЦК об отходничестве и сокращения рабочей силы в колхозах. Например, председатель Алатырского райколхозсоюза (Чувашская АССР) Лабутин разослал колхозам такой приказ:

С получением сего Райколхозсоюз предлагает немедленно заключить договор с конторой 55-й дистанции Моск.-Ваз. ж. д. на доставку рабочей силы по ремонту пути. К невыполнению сего будет рассматриваться, как нежелание участвовать в выполнении строительства в 3-м, решающем году пятилетки, и материал будет передан в судебно-следственные органы.

Остановитесь, Лабутин! Не выгодно вам передавать такой материал. Подумайте лучше об исправлении линии, которая у вас явно идет под левый уклон и загибает в оппортунистический тушик.

РАЗНЫЕ САПОГИ

Кожевенно-обувное объединение при Белкоопсоюзе (БССР) пишет Башенковичскому райпотребсоюзу:

Из поступающей обуви... предлагаем выдать по 25 руб. обуви рабочим, занятым на строительстве в колхозах.

(Подпись).

Пара сапог в райпотребсоюзе стоит 50 рублей. Следовательно, на долю строительных рабочих в колхозах приходится 1 сапог. Да и тот не пара тому, который в кожевенно-обувном объединении Белкоопсоюза сочиняет подобные циркуляры.

ПЬЯНИЦЫ У ВАС ЕСТЬ?

Почему умножаются случаи хищений на Солодниковском строительном заводе? Дело простое: охранная милиция беспребудно пьянеет. 24 сентября нашал днем сиюшница в трезе четырех милиционеров.

Говорят, иногда приезжает представитель РКИ на завод и спрашивает:

— Пьяницы у вас есть?

И ему отвечают успокоительно:

— Конечно, нет! А которые есть — давным давно в милицию!

И наивный представитель усзжает дальше.

НА СЧАСТЬЕ

Один из раскислых Центрального телеграфа рассказывал об оригинальном способе расчета с ними:

Работаем мы сдельно. На каждый день имеем каждый свою трудовую книжку, в которой обозначены процентная выработка за день. При подсчете зарплаты соберут твои карточки за весь месяц и тают на них на счастье четыре, т.-е. за 4 рабочих дня. И если счастлива, то получишь хороший приработок, а если на повезет, то сядно будет сказать, сколько заработал...

При такой системе работы телеграфу нечего бояться недостатка счетных работников. Стоит только приобрести у шарманщика поугая, посадить возле стойки трудкарточек и... он «вычислит» приработок не хуже счетовода...

УМИЛИСЬ, НАРКОМПОЧ-ТАБЕЛЬ!

«Молния. Из Москвы. Пророку Санину. Марнупольские приезд с отседом дордон Юльвайт-он. Издраки».

На самом деле текст телеграммы таков:

«Молния. Из Тифлиса. Пророку Санину. Молните приезд и выезд. Заподхлопом Заходани».

УФИМСКИЙ МЕТЕОР

Замечательный образец руководства показывает управляющий 17-м стройтрестом Ширшов — руководитель строительства моторного завода. Завод строится в селе Богородском, а Ширшов живет в гостинице «Астория» в Уфе. Раз в декаду он выезжает на стройку и, не выходя из машины, оральным взором окидывает площадку. На стройке же нет ни гвоздей, ни пластматериалов, ни стекла. Из 70 выкатых постройкой баромов не выстроено ни одного.

Парторганизация вызвала Ширшова на рабочее собрание для доклада. Он явился на автомобиле, скомандовал «полный ход» и промчался мимо собравшихся рабочие. На яри о нем говорят:

— Не работает, а только имать в глаза пускает!

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВОСТРОГ

Вмиска из приказа № 97 по райкомторе № 2 Дестрой-объединения — гор. Дербента от 27/IX—1931 г.

Всем без исключения рабочим и служащим вляться в 6 часов для отправки на субботник. Всем десятникам проверить таблиць. О нежелании дать сведения в контору для удержания зарплата.

Иначе говоря: — С энтузиазмом — стройся! По порядку номеров соревнуйся! К социализму шагом — ари!

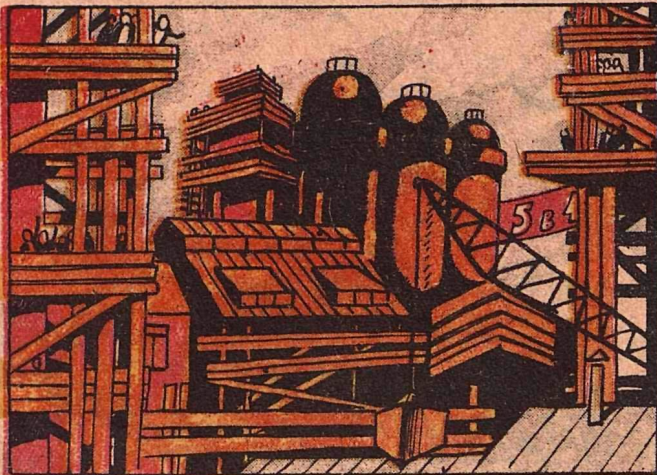
АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Тверская, 3. Прием ежедневно с 1 до 5 час., кроме 5, 10, 15, 20, 25 и 30 числа каждого месяца. Подписка на журнал «КРОКОДИЛ» — 40 коп. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ до срока, установленного местными почтовыми отделениями.

Редакционная коллегия Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануальский, А. Митницкий, В. Филос.
Зав. редакцией: И. Абрамский. Ответственный редактор М. Мануальский.
Москва. Изд. № 1395 Сдача текста и рисунков — 12/Х. Подпись к печати — 21/Х. Страницы А4—210×297 Печатная листов 2 Количество листов 65 000
Уполномоченный Главлита № В—12101. Тип. «Рабочей газеты», Москва, Судянский вал, 49. Зак. № 1616. Тираж 500.000 экз.

АРХИВ
10 НОЯБРЬ 1931
Г. Ц. К. П.

46856

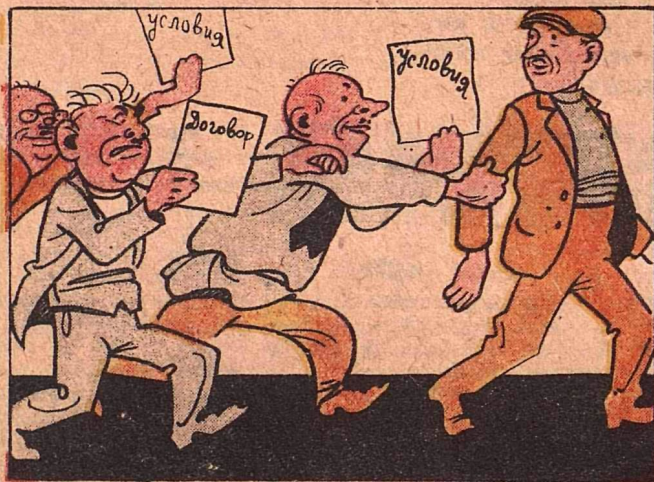
Ю. Ганф

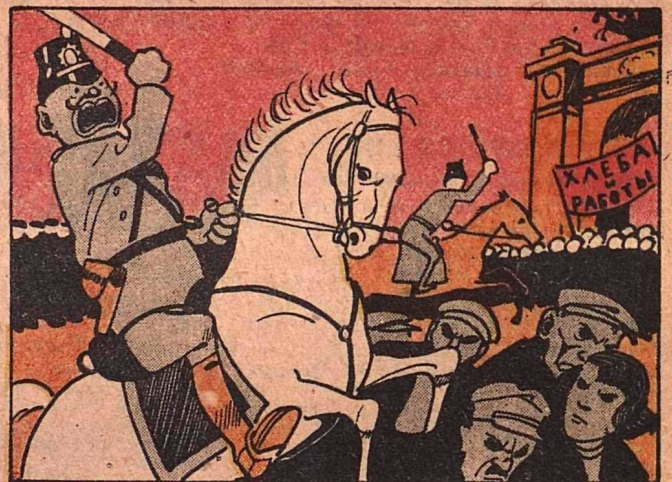
— У нас ударными темпами развивается социалистическое строительство.

У них — у капиталистов — рабочие тоже строят... уличные баррикады...

У нас прямо гоняются за рабочим..

Гоняются за рабочими и у них...

У нас — рады зарубежным революционерам. прямо не знают, куда их посадить.

Не знают, куда их посадить и в буржуазных странах.